
ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 82–311.4

ПАХСАРЬЯН Н.Т.¹ Рецензия на кн.: HARTMANN P. MARIVAUX, ENTRE IRONIE ET EMPATHIE. [Артман П. Мариво между иронией и эмпатией].

DOI: 10.31249/lit/2021.03.11

Аннотация. Книга французского исследователя П. Артмана охватывает практически все прозаическое и драматическое творчество П.К. де Мариво. Исследователь применяет герменевтический подход к анализу романов, эссе и комедий писателя, выявляя своеобразие экспериментальной метапоэтики Мариво. Сосредоточившись не на социокультурных аспектах анализируемых текстов, а исключительно на эстетических и стилевых особенностях, П. Артман вскрывает специфику взаимодействия эмпатии и иронии в текстах Мариво, своеобразие его эстетического гуманизма. Желая продемонстрировать целостность творчества писателя, ученый выявляет единство приемов эстетической игры и стиля во всех рассматриваемых произведениях.

Ключевые слова: герменевтика; анализ; эмпатия; эстетический гуманизм; метапоэтика; Мариво.

PAKHSARYAN N.T. Book review: Hartmann P. Marivaux, entre ironie et empathie. – Paris : Honoré Champion, 2020. – 346 p.

¹ Пахсарьян Наталья Тиграновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Abstract. The reviewed book covers almost all prose and dramatic works of P.K. de Marivaux. Basing on hermeneutic approach P. Hartman analyzes the novels, essays and comedies by Marivaux and reveals the originality of the latter's experimental metapoetics. Focusing exclusively on some aesthetic and stylistic features of the Marivaux's texts (without involving any sociocultural aspects) the French scholar brings to light the specifics of interaction between empathy and irony by Marivaux, originality of his aesthetic humanism, and demonstrates the integrity of the whole corpus of his texts showing close connection between his preferred techniques of aesthetic play and the literary style in all the works under consideration.

Key words: hermeneutics; analysis; empathy; aesthetic humanism; metapoetics; Marivaux.

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 126–132. – Рец. на кн.: Hartmann P. Marivaux, entre ironie et empathie. – Paris : Honoré Champion, 2020. – 346 p. DOI: 10.31249/lit/2021.03.11

В последние десятилетия интерес к творчеству П.К. де Мариво (1688–1763) постоянно растет, появляются все новые монографии и статьи. Уже во второй половине XX в. исследователи сочли возможным назвать его «одним из тех великих авторов, которые предвосхитили всю современную литературу» [4, р. 11]. Профессор Страсбургского университета Пьер Артман, известный специалист по французской литературе XVIII в., открывает свою монографию аналогичным утверждением («Можно считать Мариво самым великим французским писателем XVIII в.» [1, р. 19]), а в конце повторяет этот тезис снова [1, р. 331]. Автор определяет свой метод исследования как аналитический: он не только не стремится рассматривать исторический и социокультурный контекст творчества французского драматурга и романиста, но сознательно отказывается выходить за рамки герменевтического анализа текстов. С одной стороны, это – досадное упущение ученого, не позволяющее включить рассматриваемые произведения в поле традиции и новаторства, увидеть в них отзвуки идейно-художественных споров эпохи, с другой – пристальное прочтение каждого

текста дает возможность многое уточнить в стиле произведений самого Мариво, осмыслить особенности «мариводажа» – особой стилевой манеры писателя, которую, по мнению П. Артмана, трактуют порой весьма поверхностно [1, р. 16]. Удивляясь тому, что существует так мало исследований творчества писателя в целом [1, р. 9], П. Артман задается целью полностью охватить в своем труде наследие Мариво, за исключением лишь нескольких стихотворных текстов и пародии на роман Фенелона «Телемак».

Монография П. Артмана разделена на две части: в первой рассмотрены нарративные прозаические сочинения Мариво (ранние и зрелые романы, эссе «Французского зрителя»), во второй – его комедии: от «Арлекина, воспитанного любовью» до «Колонии». Большую ценность представляют разделы, где автор обращается к первым романским опытам Мариво, экспериментальность которых не до конца еще осмыслена литературоведами. Многие из них отмечают, что в «Приключениях***, или Удивительных действиях симпатии» (1712) автор строит сюжет на возвращении к «архаической» поэтике высоких романов барокко¹. П. Артман говорит о необходимости обратить внимание на паратекст романа Мариво, на топос «найденной рукописи» и маску издателя, которую использует писатель, на вводимый им образ читателя, с которым нарратор ведет диалог. Все это свидетельствует в пользу дистанцированного чтения «Удивительных действий», вносит сомнения в серьезность использования романической поэтики в духе Скюдери [1, р. 43]. Ироническая дистанция становится еще отчетливее в «Фарсамоне» (1713, опубл. 1737). Соединение иронии и эмпатии при внешнем повторении клише больших романов барокко предшествующего столетия «демонстрирует поиски Мариво своей манеры с помощью двух регистров – комического и чувствительного» [1, р. 63], справедливо отмечает ученый. Ранние романские сочинения Мариво свидетельствуют, таким образом, о стремлении писателя к экспериментальному письму. Высшая точка этой экспериментальности – небольшой роман «Карета, увязшая в грязи» (1714), в котором автор ведет неустанную литератур-

¹ См., напр.: [3, р. 525].

ную игру, словно испытывая возможности различных регистров романического.

Обратившись к анализу эссеистики Мариво, П. Артман сосредоточивается на выпускавшемся писателем в 1721–1724 гг. журнале «Французский зритель», оставив, к сожалению, в стороне другие его сочинения в этом духе – «Неимуший философ» (1726–1727) и «Кабинет философа» (1734). В первом же листке «Зрителя» литературовед видит своеобразный эстетический манифест Мариво [1, р. 72], обнаруживает перекличку с Паскалем, указывает на те мотивы, которые уже присутствовали в ранних романах и предвосхищали зрелое творчество драматурга и романиста. Иронизируя над теми, кто считался в его эпоху интеллектуалами, видя в них только педантов и тяжеловесных эрудитов, прикрывающихся плащом философии, автор «Французского зрителя» умело и тонко соединяет «дух геометрии» (который царит в композиции его произведений) с «духом остроумия», определяющим правдивое и изысканное воссоздание ситуаций и характеров.

В каждом сочинении Мариво автор монографии выделяет неразрывность сочетания иронического и эмпатического нарративных модусов. Так, «Жизнь Марианны» (1731–1741) и «Удачливый крестьянин» (1734–1735) на первый взгляд кажутся противоположными моделями романов: первый – женский, аристократический, второй – мужской, простонародный, один – эмпатический, другой – иронический. Однако на самом деле, как показывает анализ, и в том и в другом романе наблюдается абсолютное равновесие между иронией и эмпатией, а поэтика этих произведений демонстрирует тонкий и нюансированный подход Мариво к повествованию. Характеристики персонажей отмечены двойственностью, они одновременно вызывают и сочувствие читателей, и их любопытство. Читатель «Жизни Марианны» приглашается к разгадыванию не только тайны происхождения героини, но и к выяснению особенностей ее рассказа: это и не роман, и не история, а интимный разговор с безымянной подругой; повествования о несчастьях юной героини ретроспективно освещены иронией зрелой рассказчицы, не только сообщающей о событиях своей жизни, но и размышляющей над нею. П. Артман отмечает эссенциалистский характер феминизма

Мариво, цитируя слова Л. Шпитцера о том, что сюжет «Жизни Марианны» состоит в «прославлении женского принципа человеческой мысли» [5, р. 389]. При этом тональности рассказа Марианны и рассказа монахини Тервир, начатого в восьмой части произведения, отличаются друг от друга: в повествовании монахини ирония исчезает и возникает подлинно «черный роман» [1, р. 123]. Однако в структуре произведения в целом ирония заглавной героини отодвигает романическую эмпатию Тервир на второй план, а на первый план выходит эстетическая рефлексия, пронизывающая весь текст. Произведение Мариво гениально в осуществлении своей оригинальной метапоэтики, утверждает П. Артман [1, р. 123].

«Удачливый крестьянин» во многом схож с «Жизнью Марианны», это также аналитический роман-мемуары, однако место «размышлений» в повествовании занимают «отступления», как характеризует их герой-рассказчик, призывая читателей к ним привыкнуть. Жакоб предстает не вульгарным, стремящимся сделать карьеру, персонажем, а неоднозначным героем, поскольку Мариво освобождается от традиционных приемов как плутовского романа, так и либертинной или галантной традиции, следуя своим путем [1, р. 132–133]. Незавершенность романной фабулы не дает возможности вынести окончательное суждение об этом персонаже. Эмпатия не позволяет считать протагониста романа тщеславным либертином, а ирония снижает чрезмерную чувствительность. Речь в романе идет о неоднозначности воспитания чувств на основе чувственного опыта [1, р. 152].

Анализируя во второй части монографии комедии Мариво, П. Артман называет его театр «праздником интеллекта и чувствительности» [1, р. 161]. В драматическом наследии писателя он выделяет пьесы, построенные на переодеваниях («Мнимая служанка», «Триумф любви»), интригах («Счастливая уловка», «Ложные признания» и др.), на различных формах утопического («Остров рабов», «Остров разума», «Колония»), подробно рассматривает наиболее знаменитую комедию «Игра любви и случая», говорит о виртуозности словесной и сюжетной игры, также подчеркивая тот баланс иронического и эмпатического, который определял нарративную стратегию Мариво-романиста.

Подводя итог исследования, П. Артман в Заключении утверждает, что в наследии Мариво можно обнаружить три важнейшие черты большого писателя: особое – «дурманящее» – воображение, оригинальную поэтику и универсализирующую этику [1, р. 331]. Эту этику автор монографии определяет сочетанием «эстетический гуманизм», используя отчасти название известного исследования А. Куле и М. Жило «Мариво, экспериментальный гуманизм» [2], но отстраняясь, однако, от той идейной составляющей, которая была важна для концепции этих двух авторов. Думается, этим и обусловлено то обстоятельство, что П. Артман не обращается в своей книге к вопросам поэтики рококо, определившей не только эстетический, но и идейно-этический компромисс творчества Мариво. Считая воображение романиста и драматурга «исключительно литературным» [1, р. 331], полагая, что в экспериментах одновременно с двумя антиномичными линиями барочной литературы – героико-прециозной (в духе Гомбервиля или Ла Кальпренеда) и комической (в манере Скаррона или Сореля) – Мариво «остаётся писателем для образованной публики, для “немногих счастливых” (for the happy few), дорогих Стендалю» [1, р. 332–333], П. Артман несколько противоречит себе, поскольку еще во введении к своей книге сам настаивал на том, что его исследование рассчитано на широкого читателя-дилетанта, а не на специалиста. Отказывая Мариво в том, что тот может быть интересен широкому читателю, но при этом парадоксальным образом обращаясь к такого рода аудитории, исследователь, к счастью, ошибается дважды: популярность, по крайней мере Мариво-драматурга, доказана тем, что его пьесы не сходили и не сходят со сцен мирового театра; тиражи и экранизации его романов лишний раз подтверждают и укрепляют эту популярность, а проделанный П. Артманом тщательный анализ большого корпуса текстов писателя, безусловно, важен и интересен специалистам-филологам, поскольку открывает возможности нового прочтения этих текстов.

Список литературы

- 1 Артман П. Мариво между иронией и эмпатией.

- Hartmann P. Marivaux, entre ironie et empathie. – Paris : Honoré Champion, 2020. – 346 p.
- 2 Куле А., Жило М. Мариво, экспериментальный гуманизм.
Coulet H., Gilot M. Marivaux, un humanisme expérimental. – Paris : Larousse, 1973. – 287 p.
- 3 Муру Ф. Мариво : ересиарх в литературе?
Moureau F. Marivaux : un hérésiarque en littérature? // RHLF. – 2012–2013. – Vol. 112. – P. 517–531.
- 4 Ружмон М. де. Предшественник Сада и Сан-Антонио. Мариво, первый романист-экспериментатор?
Rougemont M.de. Précurseur de Sade et de San-Antonio. Marivaux le premier romancier expérimental? // Le Monde. – 1973. – 04.01. – P. 11–12.
- 5 Шпитцер Л. О «Жизни Марианны».
Spitzer L. A propos de *La Vie de Marianne* // Spitzer L. Etudes de style. – Paris : Tel-Gallimard, 1970. – P. 367–396.